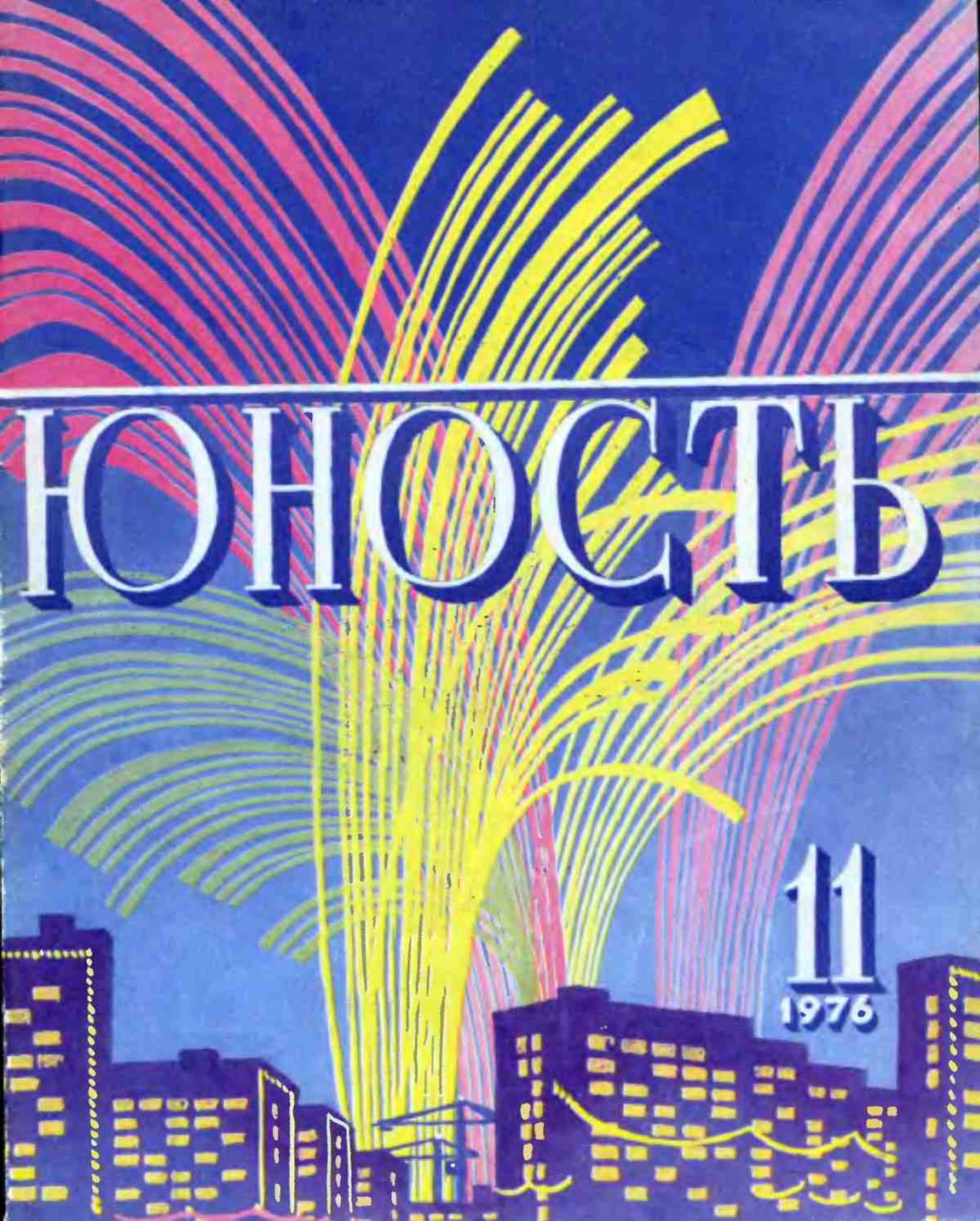

ЮНОСТЬ
11
1976

В. ВАСИЛЬЕВ

ВСТРЕЧИ

В ТАВРИЧЕСКОМ ДВОРЦЕ

Комментарий к одной фотографии

... Бело-мраморный зал. Внимательные лица людей. На трибуне — Ленин. Все — и докладчик и слушатели — не замечают, что их кто-то фотографирует.

Вот солдат, подперев голову рукой, ловит каждое слово Ильича. Его сосед тоже повернулся к Ленину. Он чем-то явно взволнован. Ворот расстегнут. Сидит, так и не сняв с головы лихо сдвинутую набекрень военную фуражку.

Справа от него — еще один солдат, тоже слушает. Совсем молодой. Шинель накинута на плечи. В руках какой-то журнал. Молодой солдатик с журналом в руках — автор этих строк.

Долго я не знал о существовании столь редкого снимка. А несколько лет назад мне прислал его мой давний друг, бывший рабочий завода «Розенкранц» Павел Семенович Успенский, в первые дни после свержения самодержавия избранный депутатом Петроградского Совета. Он тоже узнал себя: на снимке стоит во втором ряду, позади меня.

...Кто же автор этой фотографии? Почему снимок оставался неизвестным?

Поиски привели меня в Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Оказалось, 43 года отделяют первую публикацию этой фотографии от того дня, когда вездесущий земляк мой, питерский фотограф П. И. Волков делал снимки в главном зале Таврического дворца.

П. И. Волков вряд ли осознавал, какое важное историческое событие ему на этот раз удалось запечатлеть. Дома, проявив пленку, он, как потом выяснилось, промыл ее без особого старания. На кадре остались соли фиксажа. Фотография была обречена на гибель.

Шли годы. Изображение слабело. Словно в тумане, растворились лица людей. Время навсегда уносило бесценную реликвию.

Подняли все сохранившиеся в Партархиве позитивы, сделанные самим автором. На одном, контрольном, размером 6 х 9, удалось обнаружить надпись: «С натуры, 4 апреля 1917 года. П. И. Волков».

Началось восстановление редкого снимка. Оно продолжалось около года. О том, как реставраторы подбирали специальный режим съемки, определяли экспозиции, характер пластинок, можно написать целую повесть.

Восстановленный снимок впервые появился в «Известиях» 26 февраля 1960 года. Затем неоднократно публиковался в разных сборниках произведений Ленина. Но до недавних пор оставался не полностью расшифрованным.

Сравнительно несложным оказалось узнать тех, кто на снимке находится справа от Ленина. На объединенном собрании большевиков и меньшевиков (к слову, последнем «объединенном» в истории нашей партии), присутствовали лидеры меньшевиков. Они

© Издательство «Правда». «Юность». 1976 г.

С ЛЕНИНЫМ

занимали места справа от Ленина и отчетливо видны на снимке.

Не до конца расшифрованной оставалась группа слева от Ильича. Наша группа...

Рядом с Лениным — за трибуной — видна только голова — это А. Е. Васильев, мой дядя, токарь Путиловского завода, профессиональный революционер, член Петербургского комитета и один из партийных организаторов Нарвского района в годы подполья. До революции — 12 арестов, ссылки. В апреле 1917 года — председатель заводского комитета путиловцев. Слева от меня, в фуражке набекрень, унтер-офицер, кавалер трех Георгиев. С ним — об этом сказ впереди — связан драматический эпизод во время доклада В. И. Ленина. Позади нас стоят члены полковых комитетов Попов, Успенский; слева от нас сидят Волокушин, Семенюк, Судаков. Впереди стоит мой старший брат, Дмитрий, большевик, председатель одного из полковых комитетов.

Смотрю на бесконечно родное лицо Ильича, на все еще не остывшее от волнения лицо моего соседа в фуражке набекрень, на лица моих товарищей — и час за часом восстанавливаю незабываемый для меня день 4 апреля 1917 года.

В этот день Ленин в Таврическом дворце выступал дважды: в полдень — на собрании большевиков — участников Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов с докладом, в котором огласил и разъяснил свои Тезисы о задачах революционного пролетариата (Апрельские тезисы); после небольшого перерыва вторично с этим же докладом — на объединенном заседании большевиков и меньшевиков — участников совещания Советов. На этом заседании присутствовал и я.

Как же молодой красногвардеец (шел мне тогда 20-й год) оказался 4 апреля рядом с вождем революции?

Накануне я впервые увидел Ленина. Узнав, что Владимир Ильич приезжает из эмиграции в Петроград, около трех тысяч путиловцев с развернутыми красными знаменами двинулись вечером к Финляндскому вокзалу. Мы, члены районной дружины Красной гвардии,— во главе колонны. Шли с факелами, с песнями. По дороге к нашей колонне стали присоединяться рабочие «Треугольника», «Тильмана», химического. Настроение у всех приподнятое, праздничное.

К нашему приходу вся площадь вокзала уже была заполнена рабочими, солдатами, матросами. Нас, путиловцев, поставили слева от главного входа. По соседству, у самого выхода на площадь из парадных, «царских» комнат вокзала, заняли все свободное пространство броневики.

...Кто-то крикнул: «Идет!» Многоголосый шум, звуки военных оркестров прорезал гудок паровоза. На площади все стихло. Мы, красногвардейцы, не дожидаясь приказа, встали по команде «Смирно!». Луч прожектора выхватил из тьмы высоко поднятое над путиловской колонной натянутое на двух древках полотнище: «Привет товарищу Ленину!»

Есть биографии, на чьих страницах словно отблеск самой истории. Такова жизнь коммуниста Василия Ефимовича Васильева, члена КПСС с января 1918 года, делегата XXV съезда КПСС.

В его послужном списке длинный перечень званий, профессий, должностей. Был слесарем и солдатом, столяром и дипломатом, каменщиком, красногвардейцем и комкором. Сын и внук питерских пролетариев, рабочий-путиловец, один из организаторов первых красногвардейских отрядов,— он прошел путь от рядового революции до генерал-лейтенанта. Одним словом, прожито и пережито столько, что хватило бы не на один захватывающий многосерийный фильм.

Штурмовал Зимний. Брал со своим 2-м Петроградским (Нарвским) полком Симбирск—родной город Ильича. В годы Великой Отечественной войны дивизия, которою командовал генерал Васильев, участвовала в освобождении Украины, Чехословакии, Румынии. После войны Васильев — заместитель маршала Конева, в то время командовавшего войсками Прикарпатского военного округа.

Две революции, три тюрьмы, три войны, пять ранений. И вечный бой. И — на восьмидесятом году жизни — в строю. Член Киевского горкома партии, внештатный лектор ЦК ЛКСМУ, пропагандист и агитатор с шестидесятилетним стажем, Василий Ефимович частый и желанный гость молодежи, много ездит по стране, охотно выступает с лекциями, воспоминаниями.

Самыми незабываемыми для него были и остаются встречи с Лениным.

Как член «Военки», старший небольшой подвижной группы по охране ЦК партии и В. И. Ленина, Васильев с апреля 1917 по март 1918 года неоднократно встречался с Ильичем, слушал его, беседовал с ним.

В настоящее время В. Васильев работает над книгой воспоминаний.

Мы печатаем главы из этой книги — «Встречи с Лениным». Эти главы помогают уточнить некоторые важные события. С любовью рисуя образ В. И. Ленина, автор показывает героизм простых рабочих и солдат, самоотверженно боровшихся за победу социалистической революции.

Проходит еще несколько минут. Мощное «Ура!». На пороге вокзала, окруженный соратниками, друзьями — Ленин. Вот он приостановился, взмахнул шляпой, приветствуя рабочих, солдат и матросов революционного Петрограда.

В лучах прожектора — мощный лоб, энергичный взмах руки, пальто нараспашку. Тут же, у выхода из вокзала, Владимир Ильич произнес свое первое приветствие собравшимся на площади. Это была очень короткая речь. И, может, поэтому, мне запомнился основной ее смысл: никакого доверия Временному правительству, никакого компромисса с теми, кто пытается свести революцию к сладким речам и посулам. Народу нужен мир, народу нужен хлеб, народу нужна земля.

Ленин говорил слова, очень понятные мне, рабочему и сыну рабочего, вчерашнему солдату, на своей шкуре испытавшему, что такое война.

Закончил Ленин призывом, отметающим сомнения, колебания: «Да здравствует социалистическая революция!»

Тут наши соседи из броневой команды предложили Ленину подняться на освещенный прожекторами броневик.

...Столько лет прошло, а перед глазами вновь и вновь оживает эта ночь. Тысячные толпы рабочих, солдат. Знамена, словно фантастические красные птицы, реющие над нами. Владимир Ильич на броневике произносит свою речь, ставшую исторической.

Вслед за броневиком пошла рота матросов. За ней — наша колонна, а за нами все, кто был на площади. «Да здравствует товарищ Ленин!», «Ленину — неутомимому борцу русской революции — привет!». Ликующие возгласы не смолкали на всем пути от вокзала к бывшему особняку Кшесинской, где помещались Центральный и Петербургский комитеты РСДРП.

...Поздней ночью возвращались мы за Нарвскую заставу. «Интернационалом» будили сладко спавших обывателей. Не понимая, что происходит, они выглядывали из окон, изредка, сонно потягиваясь, появлялись на балконах. «Ленин приехал! — кричали мы им.— Ленин с нами!» Буржуа захлопывали окна, испуганно задергивали занавески. А во мне все ликовало: Ленин приехал.

Спать в эту ночь не пришлось: делились впечатлениями. А утром вышел на улицу. На каждом шагу меня останавливали знакомые путиловцы — из тех, кто не был на Финляндском вокзале. Все расспрашивали, какой он, Ленин, что говорил.

Увидел меня Корчагин — депутат Петросовета, обрадовался:

— На ловца и зверь бежит. Пошли в райком. Нас товарищ Косиор вызывает.

У Станислава Викентьевича Косиора, члена Петербургского комитета партии, мы застали знакомых красногвардейцев: Смолина, Ивана Газу, Семенюка. Успенский, насколько мне помнится, присоединился к нам позже. Косиор предложил немедленно отправиться в Таврический дворец в распоряжение Подвойского.

Нас ждали. У входа во дворец я увидел Митю, моего старшего брата. Он провел нас в главный зал к Подвойскому и Барановскому.

— Рассаживайтесь поближе к председательской трибуне,— распорядился Николай Ильич Подвойский.— Охраняйте товарища Ленина от возможных эксцессов.

Тут уже сидело трое наших товарищей. Обрадовались — нашего полку прибыло!

Зал стал наполняться народом.

Большевики — некоторых я знал лично,— до этого заседавшие наверху, в помещении своей фракции,— уселись в левом секторе думских мест: всего — четыре стула и хоры.

Остальные места заняли меньшевики, представители других фракций.

...Зал то гудел, словно улей, то взрывался громким, ожесточенным спором.

И вдруг — тишина. На председательской трибуне, вдоль всей ее линии появились лидеры Петросовета — Чхеидзе, Церетели, Дан. С ними — В. И. Ленин. Председатель собрания Н. С. Чхеидзе объявляет основной вопрос повестки дня: выяснение возможности объединения большевиков с меньшевиками в одну партию.

Сначала выступило несколько меньшевиков.

И вот на трибуне-кафедре невысокий плотный человек с рыжеватой бородкой. Ленин... Наши — большевики, красногвардейцы — встречают его аплодисментами. Он гасит их энергичным движением руки.

По словам плехановской газеты «Единство», Ленин «произнес большую речь, произведшую несомненную сенсацию». Я бы назвал это не «сенсацией», а взрывом бомбы. Доклад Ленина звучал таким диссонансом умильным речам меньшевистских ораторов, что многие присутствовавшие повскакали со своих мест. Гнев, возмущение, сарказм, насмешка, свистки, злобные выкрики. Ленин энергичным жестом, словно отметая все это, говорил: война — продукт империализма, а потому в отношении к войне не должно быть никаких уступок... Капитализм зашел в тупик, и объективный выход один — социализм... Наша цель — не парламентская республика, а Республика Советов... Трудящиеся должны взять в свои руки власть и управлять всеми делами государства.

...Я наслушался немало речей после февраля. Наслушался присяжных, на свой лад первоклассных ораторов, знающих, как, чем «зацепить» любую аудиторию. Один «брал» отлично поставленным голосом — от шепота до громового раската; другой — почти артистическими жестами; третий — неожиданными переходами от серьезного, порой трагического, к шутке, анекдоту.

А Ленин? Жесты скупые, ничего от позы, ничего бьющего на эффект. Заметная картавость делает речь его почти «домашней», разговорной, но в то же время обладает такой силой убеждения, что устоять перед его обаянием нельзя. Главное впечатление — цельность, удивительная слитность мыслей, слов, жестов. Слова весомо, зримо, тяжело падают в зал, то притихший, то бурлящий, готовый взорваться.

Почему-то вспомнилось давнее. В селе за Уралом, где нам после ссылки отца пришлось жить несколько лет, я не раз видел, как вслед за плугом сеятель разбрасывает зерна. Шагает по вспаханному полю широко, размеренно, неутомимо. Шаг — бросок. И снова шаг—бросок. Ни одного лишнего движения. Вот кого на трибуне-кафедре напомнил мне Ильич.

...Инцидент, о котором я хочу здесь рассказать, произошел, когда Ленин, заговорив о мире, дважды одобрительно упомянул слово: «братание». И тут я увидел, как стремительно сорвался со своего места и шагнул к трибуне незнакомый мне тогда унтер-офицер, кавалер трех Георгиев. Истерически выкрикивая: «Постой, погоди!», он остановился у самой трибуны:

— Ты кто такой? С кем предлагаешь брататься?! Видать, на фронте не был! Я дважды раненный. Я тебе, господин хороший, покажу братание!

Тут мы с Семенюком и солдатом-измайловцем Волокушиным подбежали к унтер-офицеру. Втроем еле угомонили его, усадили рядом с собою. Он так и просидел до конца собрания в фуражке (таким и заснял его фотограф), то и дело что-то выкрикивал. Зашумели и другие делегаты-фронтовики:

— Правильно, браток! За что воевали?!

Председатель собрания Н. С. Чхеидзе, не скрывая ехидной ухмылки, принялся было призывать зал к порядку. Но тут на помощь моему неспокойному соседу неожиданно пришел Ильич.

Положение товарища Ленина мне в эти минуты казалось весьма и весьма трудным, незавидным. Одно дело — меньшевики, открытые идейные противники, другое — такое яростное выступление человека оттуда, из окопов.

Инцидент этот мне хорошо запомнился, но все мои попытки найти подтверждение ему в выступлениях и статьях Ильича, в прессе тех лет, в воспоминаниях долго были бесплодными. Помог счастливый случай — знакомство с книгой одного из ближайших сотрудников Владимира Ильича — В. Д. Бонч-Бруевича «Воспоминания о Ленине».

Говоря об «объединительном» собрании 4 апреля 1917 года, В. Д. Бонч-Бруевич рассказывает и о «взвинченном депутате» с фронта, который «стал ругаться самым отчаянным образом». В зале зашумели. Председатель стал его останавливать.

В. Д. Бонч-Бруевич пишет далее:

«Владимир Ильич спокойно, улыбаясь, выжидал, когда страсти улягутся.

— Товарищи,— начал он снова,— сейчас только товарищ, взволнованный и негодующий, излил свою душу в возмущенном протесте против меня, и я так хорошо понимаю его. Он по-своему глубоко прав. Я прежде всего думаю, что он прав уже потому, что в России объявлена свобода, но что же это за свобода, когда нельзя искреннему человеку,— а я думаю, что он искренен,— заявить во всеуслышание, заявить с негодованием свое собственное мнение о столь важных, чрезвычайно важных вопросах? Я думаю, что он еще прав и потому, что, как вы слышали от него самого, он только что из окопов, он там сидел, он там сражался уже несколько лет, дважды ранен, и таких, как он, там тысячи. У него возник вопрос: за что же он проливал свою кровь, за что страдал он сам и его многочисленные братья? И этот вопрос самый главный вопрос. Ему все время внушали, его учили, и он поверил, что проливает свою кровь за отечество, за народ, а на самом деле оказалось, что его все время жестоко обманывали, что он страдал, ужасно страдал, проливал свою кровь за совершенно чуждые и безусловно враждебные ему интересы капиталистов, помещиков, интересы союзных империалистов, этих всесветных и жадных грабителей и угнетателей. Как же ему не высказывать свое негодование? Да ведь тут просто с ума можно сойти! И поэтому еще настоятельней мы все должны требовать прекращения войны, пропагандировать братание войск враждующих государств как одно из средств к достижению намеченной цели в нашей борьбе за мир, за хлеб, за землю» [1].

Бесценное свидетельство! Перечитывая вновь и вновь слова Ильича, вижу его улыбку, то ироническую, то согретую сочувствием и любовью.

...Время от времени я бросал взгляд на георгиевского кавалера. Какое боренье чувств, какая смена настроений отразились на его обветренном суровом лице: недоумение («Как же так? С кулаками лез, ругал человека на все заставки, а он же тебя и защищает»), сомнение («Говорить мы все мастера»), колебание, первые проблески доверия («А ведь понимает, насквозь видит наши беды, страдания, душу солдатскую»). Уже не вскакивал, не срывался с места. Внимательно слушал. Как, впрочем, и другие депутаты: солдаты, крестьяне, рабочие, до этого по тем или иным причинам — чаще всего — из-за недостаточной политической зрелости— примыкавшие к меньшевикам, эсерам, анархистам.

Василий Ефимович Васильев

Владимир Ильич говорил слова простые, понятные, о том, что было по-настоящему близко, что волновало и пахаря, и молотобойца, и человека в серой шинели. Говорил, а сосед наш напряженно слушал.

Думается, читателю небезынтересно узнать, как в дальнейшем сложилась судьба унтер-офицера, георгиевского кавалера. В. Д. Бонч-Бруевич не называет его («кто-то из особо взвинченных депутатов с фронта»).

Этот «кто-то» вскоре стал моим другом. Кравченко — депутат Юго-Западного фронта — принимал участие в работе II Всероссийского съезда Советов, штурмовал Зимний. Затем я надолго потерял его из виду. В начале 1921 года я получил новое назначение на должность комиссара 85-й бригады. Квартировала бригада в Омске. Приезжаю в 253-й полк знакомиться с личным составом. Остановился у одного из батальонов, выстроенных на плацу. Смотрю, навстречу мне, держа правую руку под козырек, четко, по-уставному отбивая шаг, идет командир, в длинной шинели, опоясанный скрипучими новенькими ремнями. Улыбается как старому знакомому.

— Кравченко?!

— Он самый. Всю гражданку провоевал. Член партии большевиков с 1919 года. А если точнее —с 4 апреля 1917-го. Помнишь? Я себя и теперь крестником товарища Ленина считаю...

Мы часто потом встречались. По службе (Кравченко мне аттестовали как храброго, знающего, преданного революции командира) и по дружбе. Погиб красный комбат Кравченко на Алтае поздней осенью 1921 года при подавлении кулацкого мятежа. Погиб настоящим коммунистом.

Небезынтересны и не менее поучительны судьбы других участников исторического собрания в Таврическом дворце, тоже запечатленных на уникальном снимке. Антон Ефимович Васильев — активный участник Великого Октября, видный партийный и советский работник. Мой друг Павел Семенович Успенский прошел всю гражданскую войну, много лет посвятил

[1] В. Д. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине. М., «Наука», 1969 г., стр. 78—79. Очерк «В. И. Ленин в России». Написан в 1924 году, впервые опубликован в 1924—1925 году. Снимок «4 апреля. В. И. Ленин выступает в Таврическом дворце» стал известен уже после смерти В. Д. Бонч-Бруевича (то есть после 1955 года).

воспитанию рабочей молодежи. Иван Семенюк — комиссар бригады, погиб в 1919-м на Восточном фронте. Судаков — один из самых уважаемых ветеранов Кировского завода.

Брат мой Митя вскоре погиб: его застрелил офицер «Дикой дивизии» прямо на трибуне, когда он выступал перед казаками. Было это в самом начале корниловского мятежа.

...Оглядываясь назад, вспоминая прошлое, пережитое, все больше убеждаюсь в огромном значении этой исторической речи Владимира Ильича. Из уст в уста передавались рабочими слова Ленина, прозвучавшие в Таврическом дворце:

— Довольно поздравлений, пора приступать к делу...

КАК Я ПОПАЛ В «АНАРХИСТЫ»

Стоял на редкость для Петрограда солнечный июньский день. Нас было трое: Федоров, Семенюк и я. Возвращались мы, помню, с какого-то задания. Подходим к Троицкому мосту — митинг. Собралось человек сто, слушают оратора. Тот в студенческой тужурке, прилепился к фонарному столбу, словно акробат. Одной рукой обнимает столб, а свободной размахивает. Захлебываясь, не выкрикивает, а, казалось, выплевывает, слова: пломбированный вагон... золото... Ленин.

Знакомая песенка. Надо сказать, что дикая травля Ильича началась уже в первые дни после его приезда.

12 (25) апреля Ленин пишет членам Заграничного представительства ЦК РСДРП(б) в Стокгольм: «Буржуазия (+ Плеханов) бешено травят нас за проезд через Германию. Пытаются натравить солдат. Пока не удается: есть сторонники, и верные...»

В июне обстановка еще больше накалилась. Статьи в буржуазных газетах прямо и косвенно подстрекали к убийству В. И. Ленина. Действовали в те дни и сотни контрреволюционных агитаторов.

...Спрашиваю солдатика-фронтовика:

— О чем разговор?

— О чем, о чем? Гутарит: Ленин от самого кайзера десять пудов золота заполучил. Мол, я тебе золотишко, а ты — против войны и революции выступай.

Федоров, сам из матросов, горячий не в меру — хвать солдатика за грудки, встряхнул, спрашивает:

— А ты, простота, так и поверил?

Солдатик — за винтовку. Лицо его, лукавое, веснушчатое, вмиг посуровело:

— Не тронь, матрос! Не твоя забота. Це дило треба розжувати. Как-нибудь сами разберемся, где ложь, а где правда.

Мы поближе к оратору. Несет такую ахинею — терпеть невмоготу. Схватили мы «оратора» за ноги, деликатненько так — на землю опустили.

— Иди,— говорим,— не оглядывайся. Впредь ври, да знай меру.

«Студент» — в амбицию:

— У нас,— кричит,— свобода! Я,— говорит,— жаловаться буду.

Накостыляли мы по шее незадачливому оратору. Отвели душу.

На следующий день прихожу в ЦК, в особняк Кшесинской. В двух шкафах по просьбе Владимира Ильича складывались свежие газеты. Была у нас такая договоренность: кто раньше является, тот и должен нести газеты Ильичу.

Обычно Ленин в своей рабочей комнате на втором этаже засиживался допоздна, зато утром приходил попозже. С пачкой газет смело переступаю порог, уверен, что в хорошо знакомой мне комнате никого нет, и тут же, к удивлению, слышу:

— Товарищ Васильев? Заходите, заходите. Вас-то нам и надо.

Рядом с Лениным — Подвойский. Владимир Ильич посматривает на меня с этакой лукавой смешинкой:

— А правду говорят, товарищ Васильев, что вы вступили в партию анархистов?

Я опешил. Чего-чего, а такого не ожидал.

— Как же так, Владимир Ильич, кто мог на меня такую напраслину возвести? С анархистами дел никаких не имел, их программу и действия не разделял и не разделяю.

— А как прикажете, товарищ Васильев, расценить вчерашний случай у Троицкого? Им, видите ли,— повернулся Владимир Ильич к Н. И. Подвойскому,— не понравился оратор. И они попросту стащили его с трибуны, чуть ли не самосуд устроили.

— Какая,— говорю,— трибуна?! Он же про вас, товарищ Ленин, всякие небылицы нес.

— Вот-вот, небылицы... Лгал, клеветал. Что же вы сделали, чтобы разоблачить ложь, восстановить правду? Поддались эмоциям, минутному гневу, прибегли к насилию и оказали партии, нашему общему делу медвежью услугу. Вот вам и анархизм чистейшей воды. Убедительно прошу вас, товарищ Васильев, сообщить о нашем разговоре Федорову и Семенюку. Так и передайте: в кулачной защите не нуждаемся...

Я рассказал про солдатика, про его желание самостоятельно во всем разобраться.

— Это хорошо. Всякий гражданин,— заметил Владимир Ильич,— вправе и обязан требовать расследования любого факта, имеющего общественное значение. Враг, сознательно и преднамеренно распространяющий ложь и гнусную клевету,— одно; солдат, стремящийся разобраться во всем, узнать истину — другое. Чем больше людей узнает настоящие обстоятельства проезда русских политэмигрантов через Германию, тем лучше для революции, тем скорее потеряет свою силу, свое влияние на массы поток грязной лжи, мутной клеветы и погромной агитации. Так и передайте товарищам.

УРОК ИЛЬИЧА

С 15 ноября 1917 года по март 1918-го я учился на курсах агитаторов — организаторов Советов и отрядов Красной гвардии при ЦК партии в Смольном.

Курсы были вечерними. Днем мы выполняли свои обязанности. (Я был тогда командиром отряда Красной гвардии и уполномоченным 1-го отдела Петроградской чрезвычайной комиссии), а в 16.00 собирались в одной из классных комнат Смольного, иногда — в Малом зале. Непосвященным напоминаю: здание, навсегда вошедшее в историю Октября, до революции принадлежало Институту благородных девиц. Заведовал нашими курсами тов. Смирнов, работник аппарата ЦК. Среди лекторов — В. И. Ленин, Я. М. Свердлов, Ф. Э. Дзержинский, Н. И. Подвойский, Н. В. Крыленко, А. М. Коллонтай.

В Смольный мы приходили в 15.30. Тут же обедали в смольнинской столовой. В Петрограде с продуктами тогда было туго: осьмушка хлеба пополам с опилками, жиденький суп с одинокими перловыми крупинками, заправленный брюквой или селедочной головкой. Почти всегда полуголодные, мы испытывали еще больший голод на книги, знания. Преподава-

тели это чувствовали, тщательно готовились. Как правило, являлись на занятие без опозданий. Некоторые с такой педантичной точностью, что по ним можно было сверять часы. 8 января случилось необычное: лекция Председателя ВЦИКа началась с опозданием на 2 часа. Дважды приходил посыльный Якова Михайловича: просил не расходиться.

Причина опоздания оказалась более чем уважительной. Как информировал нас Я. М. Свердлов, днем на расширенном заседании ЦК с участием виднейших питерских работников партии обсуждались составленные накануне В. И. Лениным «Тезисы по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира».

— Вопрос тов. Лениным ставится так,— кратко изложил суть тезисов Яков Михайлович.— Быть или не быть миру — значит быть или не быть Советской власти... Положение крайне серьезное. Кайзеровские войска в трех-четырех переходах от Петрограда. Над республикой,— заключил свое сообщение Я. М. Свердлов,— нависла смертельная опасность.

Окрепшим голосом, видно, уже придя в себя после драматического голосования, Свердлов сообщил нам его результаты. 32 участника совещания высказались за лозунг «революционной войны», выдвинутый группой «левых коммунистов» во главе с Бухариным, 16 — за линию Троцкого, предложившего объявить состояние войны прекращенным, но мира не подписывать («Ни мира, ни войны»). Только 15 из 63 поддержали предложение Ленина: немедленное подписание мирного договора на предъявленных Германией условиях. Яков Михайлович добавил, что сам он голосовал за предложение Ленина.

— Надо смотреть правде в глаза. Не бояться правды, исходить из реального, действительного, а не желаемого. Только немедленный мир с Германией может спасти революцию.

То, что мы услышали, буквально нас потрясло, вызвало немалое замешательство. Против предложений В. И. Ленина голосовали [1] Дзержинский, Бокий [2], Урицкий. Их принципиальность, бесстрашие, кристальная честность, верность ленинскому знамени не вызывали никаких сомнений.

Давно уже ушел Я. М. Свердлов, а дебаты, вспыхнувшие стихийно, разгорались все с большей силой. Не помню, чтобы когда-либо раньше дискуссионные страсти на курсах достигали такого накала.

Только и слышно было:

— Германский солдат не пойдет в наступление. Он тоже хочет мира. Да и в самой Германии вот-вот вспыхнет революция.

— Революции не возникают ни по заказу, ни по желанию...

— Это еще как сказать... Я за революционную войну. Будем драться до последнего. Погибнем с честью и с высоко поднятым знаменем.

Читателя, очевидно, интересует тогдашняя позиция автора этих строк.

Мне в ту ночь было мучительно трудно и больно. С апреля 1917 года Владимир Ильич вошел в мою жизнь не только как вождь партии, с которой я, молодой рабочий с Нарвской заставы, связал свою судьбу, но и как очень дорогой, близкий мне человек. В течение многих недель (и каких недель!) я видел, слушал Ильича почти ежедневно.

Сердце, рассудок буквально разрывались между любовью к Ленину, верой в него, в его разум — и моим глубоким тогда убеждением в том, что германскому империализму уступать нельзя. Я вспоминал своих товарищей, путиловских рабочих, солдат, видел их решительные лица, горящие глаза, почти физически ощущал их готовность умереть за правое дело. «Неужели,— думалось,— с такими людьми надо идти на чудовищные уступки, неслыханные унижения?»

Мы разошлись далеко за полночь, каждый оставаясь при своем мнении.

...В один из дней первой половины января у нас на курсах должны были состояться занятия по группам. Утром заведующий курсами тов. Смирнов по телефону сообщил старостам групп — мне и Старку [1] — об изменениях в расписании. Со слов Смирнова мы узнали, что совместные занятия обеих групп состоятся в Малом зале. Проводить их будет В. И. Ленин. Смирнов просил нас, старост групп, предупредить всех слушателей.

Кому позвонили, кому передали лично. За несколько минут до начала занятий все уже были в сборе.

Решили так: раз Ленин проводит с нами занятия, надо как можно подробнее расспросить его, почему он так решительно выступает против революционной войны, почему предлагает заключить позорный, кабальный, унизительный договор с империалистической Германией?

Вопросов и желающих спрашивать оказалось так много, что мы пришли к выводу: всем спрашивать нельзя, время Ильича надо ценить. Сошлись на том, что с вопросами к товарищу Ленину обратятся старосты, предварительно собрав их по своим группам.

Перед самым началом занятий в зале появились сотрудники ЦК, Совнаркома. Владимир Ильич пришел вовремя. Поздоровался, положил папку на стол.

Несколько секунд длилась пауза: Владимир Ильич внимательно оглядел аудиторию и совершенно неожиданно для нас, словно угадав то, что происходило до его прихода, сказал:

— Товарищи, сегодня мы несколько изменим привычный ход нашей работы: начнем с ответов на вопросы, вас интересующие.

Я поймал на себе подбадривающие взгляды товарищей и первым поднялся с места. Подошел к столу. А язык онемел. Ни слова не могу вымолвить. Владимир Ильич приветливо кивнул, улыбнулся: смелее, дескать. А я совсем оплошал: как скажу Ленину, что не согласен с ним, с его тезисами.

Стал довольно сбивчиво пересказывать вопросы группы, но под конец не удержался и в крайне возбужденном состоянии произнес что-то вроде небольшой речи, примерно такого содержания:

Разве вы, Владимир Ильич, не верите в силу пролетариата, в его готовность умереть за революцию? А солдаты, матросы? Разве можно социалистической России заключать такой позорный мир с империалистической Германией?! У нас,— продолжал я запальчиво,— достаточно сил, энтузиазма не только на то, чтобы отразить наступление немцев. Мы еще поможем немецким пролетариям, нашим братьям по классу, свергнуть Вильгельма, установить Республику Советов.

Одним словом, более сумбурной речи мне не пришлось произнести за всю мою жизнь.

— Когда вы, товарищ Васильев, последний раз побывали на фронте?

---

[1] Вот как описывает этот момент в своих воспоминаниях Н. К. Крупская: «Ильич кончал заключительное слово, на него устремлены были враждебные взгляды товарищей. Ильич излагал свою точку зрения, явно потеряв всякую надежду убедить присутствующих. И сейчас слышится мне, каким безмерно устальм и горьким тоном он мне сказал, окончив доклад: «Ну, что же, пойдем!»

[2] Бокий Г. И.— член РСДРП с 1900 года, большевик, участник трех революций. С 1918 года на ответственной работе в Красной Армии и в органах ВЧК.

[1] Старк Л. Н.—член партии с 1905 года. Сын царского адмирала, активный участник трех революций, неоднократно сидел в тюрьмах, отбывал ссылку. После гражданской войны видный советский дипломат.

— В конце ноября, Владимир Ильич. Но разве это что-то меняет?

— Советую еще раз съездить. И безотлагательно.

Тут поднялся Старк. Вопросы изложил сдержанно, кратко, в том же примерно порядке, как они обсуждались в группе. Я слушал своего старшего друга со смешанным чувством восхищения (вот уж кто умел подчинять свои чувства разуму!) и стыда. Вовсе не потому, что считал себя неправым. Это пришло позже. Просто я получил наглядный урок: излишняя горячность, неумение владеть собой — плохие помощники в политике.

Старк сел. Наступила напряженная тишина.

Владимир Ильич сказал примерно следующее:

— Я думаю, вы все запаслись бумагой, карандашами. Прошу вас записать условия одной задачи. На границе нашей республики в настоящее время сосредоточено 159 дивизий австро-германского блока. Более полутора миллионов солдат и офицеров — хорошо обученных, вооруженных до зубов, готовых в любой момент выступить против Советской России. Что же мы можем противопоставить этой грозной мощи? Какую реальную силу представляет собой в настоящее время старая армия? Демобилизация, которая началась в ноябре, вышла из-под нашего контроля. Отдельные части группами, целыми эшелонами, с оружием и без оружия бросают фронт, уходят в тыл. Доведенная за три года империалистической войны до крайней степени истощения и усталости, дезорганизованная в боевом отношении, старая армия представляет собой почти нулевую величину. Таковы факты. Наконец, третье условие. По последним данным, в рядах Красной гвардии насчитывается 240 тысяч человек. Это беззаветно преданные, бесстрашные бойцы революции, которыми мы гордимся и будем гордиться. Но вооруженные чем и как попало, подчас плохо обученные, не знающие даже азбуки военного дела. Главная и, думается, посильная задача Красной гвардии в настоящий момент — охрана революции, борьба с контрреволюционными элементами. Наступление кайзеровской армии, безусловно, активизирует, вдохновит, приведет в движение силы внутренней реакции в Петрограде, в провинции. Послать всю Красную гвардию на фронт, оголить революционный тыл — смерти подобно. А теперь,— сказал в заключение Владимир Ильич,— хорошенько подумайте над только что приведенными фактами и постарайтесь сами ответить на главный вопрос, который вы мне сегодня задали: можем ли мы, учитывая реальное положение вещей, вести революционную войну? Сегодня? Завтра?

Такой ход Владимира Ильича был для нас, признаться, неожиданным. Поднялся К. А. Мехоношин — впоследствии член реввоенсоветов ряда фронтов Республики. Сказал, что только недавно побывал на фронте, привел факты полного развала армии. На станции Дно, куда были поданы составы поездов для увоза в тыл имущества, солдаты, отметая охрану, с оружием в руках штурмовали вагоны, облепляли буфера, крыши, приводя часто в полную негодность подвижной состав. Пушки нередко остаются без прислуги. Артиллерийские лошади доведены из-за отсутствия фуража до такого состояния, что годятся разве что на убой. Реальной боевой силы,— заключил Мехоношин,— у нас нет. Фронт обнажен, воевать мы не можем.

Затем выступили курсанты Федоров, Богун, Семенюк.

Справа от столика, за которым сидел Владимир Ильич, стояла, видно еще с институтских времен, нарядная этажерка, чем-то напоминающая трибуну. Один за другим мои товарищи подходили к «трибуне», становились спиной к ней, лицом к Ильичу и приводили многочисленные факты. Одни со все большей страстностью «доказывали» Ленину: революционная война в настоящих условиях обречена на поражение; единственный путь спасения Советской власти — мир. Выступили и противники мира. Ленин всех выслушивал с неистощимым трогательным терпением, стараясь, как мне казалось, ни жестом, ни выражением лица не оказывать давление на окружающих. Он напоминал учителя на экзамене, но учителя-товарища, друга, перед превосходством которого склоняешься не потому, что перед тобой и над тобой «человек власти», а в силу сознания, что он всегда поймет и, в свою очередь, искренне хочет быть понятым.

«Вот и решай свою задачу, товарищ Васильев. Разве для того,— думал я,— наши старшие товарищи, мой отец, дяди сидели в тюрьмах, шли на каторгу, разве для того тысячи рабочих, революционеров гибли на баррикадах, а партия в глубоком подполье собирала силы, готовила народ к решающей схватке, чтобы теперь все погубить? Нет и нет».

Так я и сказал, выступив вторично, добавив, что мало самому осознать правду, надо эту правду двинуть в массы.

Слушая курсантов, Владимир Ильич быстро писал что-то, изредка подавал одобрительные реплики, уточняющие вопросы. Я и раньше частенько наблюдал способность Ильича одновременно слушать, писать, говорить, сохраняя при этом предельную собранность. Но когда начинаю восстанавливать в памяти живые черты вождя, почему-то прежде всего вижу Ленина в Малом зале Смольного. Ловлю на себе цепкий, чуть иронический, все понимающий, подбадривающий взгляд, слышу слова о революционной фразе, которая может революцию погубить.

Под конец кто-то из курсантов высказал сомнение, разделявшееся многими нашими товарищами.

— А как же, товарищ Ленин, социалистическая революция в самой Германии? Заключая выгодный для империалистов мир, не наносим ли мы этим удар по германской революции?

Ленин живо, всем корпусом повернулся к выступающему, отметил, что вопрос архи-интересный, архи-важный, что он тоже думал об этом. Любители «левой» фразы говорят о мировой революции, клянутся мировой революцией, а сами временный престиж ставят выше существования Советской власти. Но ведь именно в этом, в самом факте существования Советской Социалистической России — залог победы грядущей мировой революции. Если мы на архи-тяжелых, действительно унизительных условиях все же добьемся мира, то этим покажем германскому пролетариату, пролетариям всех стран, кто действительно не на словах, а на деле выступает за мир, против империалистической бойни. Этим ускорим наступление революции в самой Германии. А революционная Германия, несомненно, освободит нас от кабальных условий. Такова,— заключил Владимир Ильич,— диалектика борьбы.

А на следующий день, часам к одиннадцати, нас — меня, Старка, зав. курсами Смирнова — пригласили к Владимиру Ильичу.

В кабинете мы застали Свердлова, Подвойского. Обсуждался вопрос о создании новой армии.

— Найдутся ли,— спросил нас Владимир Ильич,— среди слушателей курсов товарищи, которых можно немедленно направить на фронт в качестве комиссаров частей?

Тут же посоветовал тов. Смирнову внести изменения в программу курсов.

— Поменьше общих рассуждений, поближе к первоочередным задачам дня. Как сформировать на местах части Красной Армии, как организовать Советы.

Важно, чтобы курсанты реально представляли себе это.

Владимир Ильич советовался с нами, как с равными. Меня и Старка подробно расспрашивал о тех курсантах, чьи кандидатуры были названы Смирновым. Достаточно ли политически грамотны, чтобы вдали от центра разобраться в сложной обстановке, принять самостоятельные решения? Сумеют ли найти общий язык с солдатской массой?

Были и другие вопросы, все не помню.

О вчерашнем моем первом выступлении ни слова.

Мы приняли активное участие в обсуждении новой программы курсов.

Вскоре я забыл, что среди этих, очень уважаемых мною людей я самый младший, кое-кому по возрасту гожусь в сыновья. Таким товарищеским, начисто лишенным наставнического тона было отношение ко мне.

И теперь, на пороге своего восьмидесятилетия, оказываясь в молодежной аудитории, сам молодея душой от одного соприкосновения с бурной, кипучей, ищущей, увлекающейся юностью, я вспоминаю кабинет в Смольном, совещание «на равных», дружескую улыбку и энергичное рукопожатие Ильича.

СТАНЦИЯ ДНО

Вскоре дальнейший ход событий полностью подтвердил правоту Ленина. 18 февраля германские полчища вторглись в пределы Советской республики по всему фронту — от Балтийского до Черного моря. Старая армия начала беспорядочное отступление.

Вечером того же дня мне в составе группы из пяти человек во главе со Степаном Корчагиным, членом Петросовета, пришлось по личному распоряжению Подвойского срочно выехать на станцию Дно. Наша задача — приостановить демобилизацию армии, задержать эшелоны с демобилизованными солдатами, создать из вновь сформированных отрядов заслон против наступающих немецких частей.

В фильме «Красная площадь» (1-я серия) очень правдиво показана обстановка тех дней. Станции, забитые эшелонами демобилизованных, голодных, разъяренных людей, рвущихся домой. И против этой стихии, против бурлящего течения — горсточка большевистских комиссаров-агитаторов.

Примерно такую же картину мы застали на станции Дно. В полдень 19 февраля нам с трудом удалось задержать один эшелон. Паровоз мы отогнали. Что тут началось! Солдаты толпами хлынули из теплушек. Осадили здание вокзала, выбили стекла в комнате дежурного по станции. Угрожая винтовками, наганами, требовали немедленной отправки.

Подошел второй эшелон с демобилизованными. Повторилась та же история. Солдаты стали собираться на перроне. Железнодорожники по нашей просьбе прикатили две бочки из-под керосина, поставили одну на другую — и трибуна готова.

Я выступил первым, сообщил о наступлении немцев:

— Демобилизация временно приостанавливается. Есть решение ЦИКа о формировании вооруженных отрядов и полков.

Слушали меня, как мне казалось, внимательно. Мой внешний вид, как, впрочем, и Семенюка, вызывал доверие: мы были в шинелях, с георгиевскими крестами, нашивками о ранениях.

Но вот на трибуне-бочке появился руководитель нашей группы Корчагин. Он в офицерской фуражке, в добротной шинели. Настроение толпы сразу изменилось.

— Эх вы, дурачье, рты разинули! Что вы гадов слушаете?! Разве не видите: немецкие они шпионы! — крикнул кто-то из толпы хрипым, простуженным голосом.— А этот,— показал на Корчагина,— форменный господин офицер.

Одной реплики оказалось достаточно, чтобы наэлектризованная толпа всплыла, взорвалась:

— Бей их, сволочей!

— Добр волк до овец, да пасти ему не дадим!

— С офицерьем снюхались! А как же: ворон ворону глаз не выклюет!

— Сами клюнем. Расстрелять! В штаб Духонина! Судить гадов революционным солдатским судом!

Корчагина тут же стащили с трибуны. Я крикнул:

— Братцы, что вы делаете? Ну какой он офицер! Это же наш, путиловец!

Не тут-то было. Озверевшая толпа, уже не внимая рассудку, нахлынула, подхватила меня и Семенюка, смяла, сбила с ног.

В ход пошли кулаки, приклады.

— За что, братцы? — услышал я голос Петра Семенюка.— Мы же, черти, для вас жизни не жалеем, и вы нас убиваете!

Снова град ударов. Словно сквозь вату пробивается ко мне незнакомый звучный голос:

— Что вы делаете? Прекратить самосуд!

Пистолетные выстрелы в воздух и тот же, привыкший командовать голос: «Прекратить! Немедленно!»

Вскоре мы, окровавленные, в изорванном обмундировании, оказались под арестом в одной из комнат вокзала.

Толпа на платформе все еще продолжала бурлить. По доносившимся выкрикам мы поняли, что решаются два вопроса: как с нами поступить и где раздобыть паровоз.

Знакомый голос радостно воскликнул: «Вот они!» Тут и мы увидели Волокушина, Белихина — товарищей из нашей группы. Их, к счастью, по причинам, правда, непонятным, никто даже пальцем не тронул. С ними два пехотинца и один здоровенный детина, судя по отличиям, артиллерист. Последний спросил:

— Вы кто, большевики?

— Да,— ответил Корчагин.— Посланы Лениным, Центральным Комитетом, ЦИКом. Приказ Ленина: задерживать эшелоны, создавать заслон — немцы перешли в наступление!

— Да ну, правда? — переспросил артиллерист, но, видно, уже ни в чем не сомневаясь, побежал к митингующим солдатам.

Не прошло и минуты, как снова раздался его голос. За всю свою жизнь я слышал трех, нет, четырех, обладающих голосом такой мощи: Свердлов, Маяковский, Шаляпин и этот солдат-артиллерист.

— Товарищи! — рыкнул он так, что стекла зазвенели.— Что же мы делаем?! Вчера немцы перешли в наступление.

Толпа загудела:

— Вранье. Не посмеет немец. На всякую беду страху не напасешься.

Артиллерист продолжал, покрывая своим зычным голосом гул и крики толпы:

— Ленин прислал большевиков, чтобы они нам, дуракам, разъяснили, что происходит, как нам дальше быть: домой на печку к бабам разъезжаться или революцию от беды, от гибели боронить. А мы их, как шпионов, до полусмерти избили.

— Туды твою в бога Христа мать! — гаркнул пожилой солдат.— Кто кричал, что они шпионы? Нука, паря, выходи на круг.

В ответ молчание. Охотников признаваться что-то не нашлось.

Нас немедленно и даже как-то торжественно освободили. Уже без конвоя, скорее в сопровождении почетного караула из доброго десятка активистов мы снова попали на митинг.

Корчагин, выступая второй раз, ни словом не обмолвился об инциденте, чуть не стоившем ему и всей нашей группе жизни, рассказал о немецком наступлении. Напомнил:

— Перед лицом смертельной опасности нужны дисциплина, дисциплина и еще раз дисциплина. На повестке дня теперь может стоять только один вопрос: как остановить армию кайзера, спасти революцию?

Не прошло и часа, как на перроне выстроился готовый к отправке на фронт сводный (из двух эшелонов) революционный отряд. Тут же избрали командира, а комиссаром — Корчагина. Под вечер отряд убыл в сторону Пскова.

Вместе с Корчагиным на фронт ехали наши товарищи — Волокушин и Белихин. Мне и Семенюку Корчагин предложил немедленно возвратиться в Петроград, доложить обстановку.

20 февраля старшие групп собрались у Н. И. Подвойского. Тут я встретил своих старых друзей по предоктябрьским и октябрьским боям. Помню С. Я. Алилуева — электрика, А. М. Любовича — солдата Кексгольмского полка, О. П. Дзениса — из Павловского, Я. М. Рудника — из Финляндского.

Никто никаких докладов не делал. Ограничились короткими сообщениями о том, что и на какой станции произошло. Подвойский ненадолго удалился, а возвратившись, сказал, что всех нас приглашает на беседу Владимир Ильич. В кабинете мы застали Свердлова, Дзержинского, заведующего нашими курсами Смирнова. Владимир Ильич показался мне крайне уставшим. Видно, сказывались бессонные ночи, огромное нервное напряжение. Каждый из нас, представляясь, называл станцию, на которую был командирован. Звучало это примерно так: «Васильев. Прибыл со станции Дно».

Николай Ильич Подвойский сделал краткий обзор положения на фронте. Остановился на том, сколько и на каких станциях задержано эшелонов с солдатами, где именно удалось сформировать революционные отряды. По памяти назвал командиров и комиссаров вновь созданных отрядов, среди них и нашего Корчагина. Владимир Ильич что-то записывал, по ходу докладов задавал уточняющие вопросы. В первую очередь его интересовало настроение солдат. Когда я сказал, что толпа на станции Дно, по всей вероятности, находилась под влиянием анархистов, он тут же возразил:

— А не преувеличиваете, товарищ Васильев, роль и влияние анархистов? Дело, думается, не в них, а в общем настроении уставших, да, да, смертельно уставших от войны солдат. Человек с ружьем в массе своей еще не разобрался до конца, что и как надо защищать. Неразбериху, сумятицу враги используют по-своему,— продолжал Ильич.— И не только анархисты, но и переодетые офицеры, агенты контрреволюции.

Спросил о численности отряда, сформированного на станции Дно. Я сказал:

— Что-то около девятисот штыков.

— Нельзя ли,— услышал я в ответ,— поточнее? Нам нужна абсолютно точная информация.

Владимир Ильич внимательно выслушал всех товарищей.

— Положение,— подвел он итоги краткому совещанию,— крайне опасное.— Задержать продвижение немецких частей, разбить их передовые силы — в этом сейчас главная задача. Нам нужны командиры, отлично знающие военное дело. Этим придется заняться, и незамедлительно, товарищам Работенко, Хозенису, Васильеву. Отправляйтесь,— сказал нам в напутствие Владимир Ильич,— в надежные революционные полки: Волынский, Павловский, Измайловский, подберите среди унтер-офицеров, прапорщиков, пользующихся доверием солдат, будущих красных командиров. Передайте им от имени Советской власти: революция на них надеется, ждет.

НА X СЪЕЗДЕ

История еще одной фотографии

...На ступеньках и прямо на земле, кто стоя, кто сидя, в шинелях, полушубках, пальто, в буденовках и сибирских папахах расположилась группа людей. Те, кто на самом переднем плане, устроились полулежа, будто отдыхают после боя. В центре снимка — Ильич, в зимнем пальто с каракулевым шалевым воротником, в шапке-ушанке.

...В. И. Ленин среди делегатов X съезда партии — участников штурма Кронштадта. Это фото, думается, многим из вас знакомо. Мне оно напоминает мою последнюю встречу с Владимиром Ильичем.

...Три года — с марта 1918 по март 1921 года я не видел Ленина. Сразу после окончания VII съезда партии ЦК и Советское правительство переехали в Москву. Я тогда остался в Петрограде. Получив новое назначение, занялся в конце марта, по личному поручению Н. И. Подвойского, формированием 2-го Петроградского отряда. Решением Петроградского комитета партии к нам были направлены 14 коммунистов, 100 членов социалистического Союза молодежи. Боевым ядром отряда стали рабочие Путиловского, Обуховского заводов, завода «Розенкранц» и 40 революционных матросов.

В начале июля 1918 года отряд в срочном порядке был переброшен на Восточный фронт, а 22 июля белочехи, перейдя в наступление, захватили Симбирск. Пала Казань. Мы с тяжелыми боями пробивались в Инзу, где находился штаб Тухачевского — командарма 1-й армии. По его распоряжению влились в 24-ю дивизию под командованием Гая. Вскоре наш отряд переименовали во 2-й Петроградский полк, впоследствии 1-й Нарвский, которым я командовал почти до окончания гражданской войны.

В составе 24-й (Железной) дивизии наш полк участвовал в освобождении Симбирска.

«Дорогой Владимир Ильич,— говорилось в посланной Ильичу телеграмме.— Взятие Вашего родного города — это ответ на Вашу одну рану, а за вторую — будет Самара».

Далеко за Симбирском мы зачитывали перед строем ответ выздоравливающего Ильича бойцам и командирам 1-й армии: «Взятие Симбирска — моего родного города — есть самая целебная, самая лучшая повязка на мои раны. Я чувствую небывалый прилив бодрости и сил. Поздравляю красноармейцев с победой и от имени всех трудящихся благодарю за все их жертвы».

Радости, воодушевлению бойцов не было границ.

В конце февраля 1919 года прошли выборы на VIII съезд партии. Я был избран делегатом съезда, но поездку пришлось отменить: обстановка на фронте осложнилась. Колчак, поддержанный англичанами, японцами, перешел в наступление. И снова бои...

В мае 1920 года, в канун наступления белополяков, меня перевели на политическую работу. В начале 1921 года был назначен комиссаром 85-й бригады. Но сказались старые раны. В феврале 1921 года попал на излечение в Центральный Московский воен-

ный госпиталь. Вышел оттуда в марте, за три дня до начала X съезда партии.

8 марта, в день открытия съезда, я с гостевым билетом пришел в зал заседаний задолго до начала, надеясь встретить знакомых по Питеру, по Восточному фронту. Первый, кого я увидел, был Иван Конев. Мы хорошо знали друг друга по Омску и Новосибирску. Будущий маршал одно время командовал бронепоездом, затем был назначен комиссаром ЧОН — частей особого назначения — по Сибири. Конев мне обрадовался, сразу же заговорил о мятеже в Кронштадте.

— Дело нешуточное. Тянуть шикак нельзя. Наш сибирский опыт тоже чего-нибудь да стоит. Надо подавить мятеж в зародыше, пока он только дымит и чадит, а разгорится — тушить будет труднее. Чует мое сердце, Василий, быть нам с тобой в Питере.

Как в воду глядел.

Во время перерыва я встретил и некоторых других знакомых по Омску — командира 30-й дивизии Кожевникова, комдива нашей 29-й — Спильниченко, секретаря парткомиссии 29-й дивизии Володю Шовкунова. Не было лишь делегатов из Питера. Их приезду помешали события в Кронштадте. О мятеже много говорилось в кулуарах съезда, в кремлевской столовой, где обедали делегаты и гости. Я с нетерпением ждал, что скажет о Кронштадте Владимир Ильич.

На первый взгляд могло показаться: Кронштадту в отчетном докладе уделено мало места. А. Коллонтай на второй день даже бросила реплику: «Доклад Ленина обошел Кронштадт».

Но это было не так. «Я все подвел к урокам Кронштадта, все от начала до конца»,— ответил на эту реплику Владимир Ильич в своем заключительном слове по отчету и был прав.

Просто Ленин, очевидно, не считал нужным останавливаться в отчетном докладе съезду на военных задачах в Кронштадте, выразив, однако, уверенность что мятеж будет подавлен не сегодня — завтра.

«Я не имею еще последних новостей из Кронштадта, но не сомневаюсь, что это восстание, быстро выявившее нам знакомую фигуру белогвардейских генералов, будет ликвидировано в ближайшие дни, если не в ближайшие часы».

В незамедлительном разгроме мятежа он видел задачу, безусловно, важную, но частного, тактического характера. Зато уроки мятежа приобретали общепартийное, общегосударственное значение.

«...Нам,— говорил Владимир Ильич,— необходимо взвесить обстоятельно политические и экономические уроки этого события».

Политические и экономические уроки для будущего... Уроки, определяющие задачи партии и помогающие избегать трагических для революции ошибок, локализовать последствия ошибок, уже допущенных.

Слушая Ильича, я невольно вспоминал драматические события последних месяцев в Сибири. В конце 20-го года вспыхнули кулацкие восстания на Алтае. Очаги контрреволюционного мятежа вскоре перекинулись в Барнаул. Восставшие отлично знали местность, умело скрывались от преследования в бескрайних сибирских лесах. Дрались весьма искусно, по всем правилам партизанской войны.

Увы, это отнюдь не было простой случайностью. По данным нашей разведки, что вскоре подтвердилось показаниями пленных, среди восставших оказалось немало бывших партизан Мамонтова.

Однофамилец белогвардейского генерала, наш, сибирский, красный Мамонтов командовал партизанской армией. Мамонтовцы в свое время изрядно потрепали колчаковские тылы. Сам Мамонтов, врож-

В НОМЕРЕ

ПРОЗА

Геннадий МАШКИН. «Инспектирующее лицо». Рассказ 16
Юрий ЩЕРБАК. Что такое любовь! Рассказ 26
Александр КУЛЕШОВ. Олимпийские беспокойства. Повесть. Окончание 36

ПОЭЗИЯ

Кайсын КУЛИЕВ 14
Татьяна БЕК 15
Натан ЗЛОТНИКОВ 24
Ирина КИЯШКО 34
Владимир КОСТРОВ 35
Григорий ГЛАЗОВ 61
Михаил ГУСАРОВ 62
Сергей МНАЦАКАНЯН 63
Кадыр МУРЗАЛИЕВ 98
Леонид ЗАМЯТНИН 98

ПИСЬМО НОЯБРЯ

Вера ГАРМАЙТЕ. «Остаюсь работать в совхозе» . . . 64
А. ПУГАЧ. Жизнь подсказала решение 64

КРИТИКА

Николай ТИМОФЕЕВ. «Стремясь душою ввысь...» . . . 66
Эрнст ГЕНРИ. Семь дней недели 68
Светлана КАЙДАШ. Выбор есть всегда 70
И. ГЕЛЕЙН. «Вся наша планета — горячая...» 71
Эмма ПРОСКУРНИНА. Геля Чудинов, его бабушки и дядюшки... 75
Круг чтения 76
Александр КАМЕНСКИЙ. О живописи Дмитрия Жилинского (К нашей вкладке) 78
Алексей ПЬЯНОВ. «Лица необщим выраженьем...» . . . 81

ПУБЛИЦИСТИКА

В. ВАСИЛЬЕВ. Встречи с Лениным 2
Вячеслав КИСЕЛЕВ. Соревнование по вертикали . . . 82
Юрий КОЗЛОВ. Разговор со строгим экзаменатором . 87
Александр АЛЕКСАНДРОВ. Дорога построена, дорога продолжается 90

НАУКА И ТЕХНИКА

Теодор ГЛАДКОВ. Харьковский эксперимент 92

СПОРТ

И. КУПЕРМАН. Мера сомнений 99

ЗАМЕТКИ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

Ярослав ГОЛОВАНОВ. Королев, пока он еще не стал Королевым 105

ЗЕЛЕНЫЙ ПОРТФЕЛЬ

Лев КОРСУНСКИЙ. Три маленьких рассказа 107
Семен ЛИВШИН, Дмитрий РОМАНОВ. Пикник 109
Арк. ИНИН, Л. ОСАДЧУК. Будь другом, выручи! . . . 110
Игорь ЧЕРВЯКОВ. Печальная история 111
А. СУМБАЕВ. Дважды два 111

Главный редактор
Б. Н. ПОЛЕВОЙ

Редакционная коллегия:
А. Г. АЛЕКСИН,
В. И. АМЛИНСКИЙ,
В. Н. ГОРЯЕВ,
А. Д. ДЕМЕНТЬЕВ
(зам. главного редактора),
Л. А. ЖЕЛЕЗНОВ
(отв. секретарь),
К. Ш. КУЛИЕВ,
Г. А. МЕДЫНСКИЙ,
В. Ф. ОГНЕВ,
С. Н. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ,
М. П. ПРИЛЕЖАЕВА.

Художественный редактор
Ю. А. Цишевский.

Технический редактор
Л. К. Зябкина.

На 1—4-й стр. обложки рисунок — В. ОРЛОВА.

Адрес редакции:
101524, ГСП, Москва, К-6,
Улица Горького, № 32/1.
Телефон редакции 251-32-83.
Рукописи
не возвращаются.

Сдано в набор 30/VIII 1976 г.
А 07152.
Подп. к печ. 11/X 1976 г.
Формат 84×108 1/16.
Усл. печ. л. 12,18,
учетно-изд. л. 17,62.
Тираж 2 650 000 экз.
Изд. № 2595. Заказ № 2735.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской
Революции
типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-47, ГСП,
ул. «Правды», 24.